

Большей частью они объективны, без лишних украшательств и субъективных оценок. Очень ценны в этом отношении слова Бабура, сказанные в адрес своего великого предшественника Алишера Навои:

«Алишер-бек был человек бесподобный. С тех пор как на тюркском языке слагают стихи, никто другой не слагал их так много и так хорошо. Он сложил шесть книг месневи: пять – в ответ на «Пятерицу» [Шейха Низами] и еще одну – в ответ «Языку птиц», тоже под названием «Язык птиц». Он [также] составил четыре дивана газелей под названиями «Диковины детства», «Редкости юного возраста», «Чудеса средней поры жизни» и «Полезные поучения старости». Хорошие рубаи у него тоже есть, есть и еще некоторые сочинения, но они ниже и слабее упомянутых ... Еще он написал книгу о стихосложении под названием «Весы стихотворных размеров», заслуживающую многих замечаний; [определяя] размер двадцати четырех рубаи, он сделал ошибку в четырех размерах; в некоторых других метрах он тоже ошибся. Человеку, внимательному к стихосложению, это станет известно...

Неизвестно, существовал ли когда-нибудь другой такой пособник и покровитель людей науки и искусства, как Алишер-бек. Устад Кул Мухаммед, Шейх Найи и Хусейн Уди, великие мастера в игре на инструментах, снискали большую славу и успех благодаря помощи и поддержке Бека. Устад Бехзад и Шах Музаффар тоже стали столь славны и известны вследствие забот и стараний Бека. Мало кому удалось построить столь полезных зданий, сколько построил он ...» [4, с. 179].

Даже по этому отрывку можно понять, что Бабура обладал острым умом, умел правильно и по достоинству оценивать лучшее в людях, давать объективную оценку. Его речи характерны лаконичность и образность. Автор произведения является не только всесторонне образованным человеком, но и самобытным, умеющим широко мыслить, тактично, аргументированно высказывать свою точку зрения.

«По совокупности сведений и их достоверности «Бабур-наме», – по мнению видного узбекского историка С.А.Азимджановой, – является самым важным и ценным историко-прозаическим трудом, не имеющим себе равных среди аналогичных сочи-

нений, написанных в средние века в Средней Азии, Иране, Афганистане и Индии» [5, с. 6].

«Бабур-наме» состоит из трех частей: первая («Фергана») посвящена описанию событий в родном государстве Бабура – Моварауннахре с 1493 по 1503 г., вторая («Кабул») охватывает события 1504–1506 годов, третья («Хиндустан») повествует о событиях 1506–1529 г. Каждому году автор посвящает отдельную главу, которые разнятся по объему: одни главы небольшие, другие более объемные и содержат несколько подразделов.

Среди других произведений Бабура известен его знаменитый «Трактат об арузе», написанный между 1523 и 1525 г. В нем автор вносит в теорию арабско-персидского канонического аруза ряд добавлений, связанных с особенностями воплощения этой теории на тюркоязычном материале. Проявляя хорошее знание текстов великих предшественников и современников, Бабура сопровождает изложение правил построения размеров аруза не только своими стихами, но и Алишера Навои, Лутфи, Хайдара Хорезми и др. По мнению ученых-арузоведов, он посвятил свой научный трактат «принципиально новой области аруза – тюркскому арузу» [6, с. 25].

Другим показателем незаурядных способностей Захириддина Мухаммада Бабура является изобретение им нового алфавита, так называемого «Бабурова письма», в котором он использовал арабский алфавит с серьезными упрощениями, видимо, считая, что арабская графика весьма сложна и не отвечает требованиям тюркского языка. Вводя новшество, Бабура переписывает своим новым алфавитом Коран и отправляет его в Мекку. Однако алфавит Бабура не получил необходимого в то время разрешения на широкое применение и вскоре был предан забвению. Поражают не только эрудиция и серьезная филологическая подготовленность Бабура, но и желание вводить конструктивные новшества в язык тюрков.

Как справедливо отмечал С.Хасанов, «Бесмертные художественные и научные произведения Бабура выдержали испытание временем и вошли в историю узбекской литературы как достояние культуры узбекского народа» [7, с. 6]. И сегодня в наш динамичный век произведения поэта – это источник духовного и нравственного обогащения.

Литература

1. Большая Российская энциклопедия. М., 2005.
2. Хамраев Ф. Захириддин Мухаммад Бабура: жизнь и творчество // Звезда Востока, 1997, № 1.
3. Хамраев Ф. Очерки об узбекской литературе. Ташкент, 2001.
4. Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1993.
5. Азимджанова С.А. Бабура и его труд «Бабур-наме». Ташкент, 1993.
6. Стеблема И.В. Захираддин Мухаммад Бабура. Поэт, прозаик, ученый (1483–1530). Ташкент: Фан, 1983.
7. Бабура. Избранное / Сост. и автор предисл. Хасанов С. Ташкент, 1982.

Юлия МОРОЗОВА,

старший преподаватель Ташкентского государственного педагогического университета имени Низами

ТЕМА ЛЮБВИ В ПОЭЗИИ АЛИШЕРА НАВОИ

Любовь – одна из вечных тем в литературе. В восточной поэзии любовная лирика занимает особое место. Свое гениальное воплощение любовные переживания нашли в поэзии Алишера Навои. Эта тема вдохновила его на создание прекрасных поэм «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун».

Подробный анализ данных поэм стал материалом для многих серьезных научных исследований. В статье мы хотим обратить внимание лишь на некоторые мотивы, ставшие, по нашему мнению, общими в раскрытии темы любви в поэзии Алишера Навои.

Традиционно для поэзии Востока введение этой темы связано с такими устойчивыми образами-сим-

волами, как соловей и роза, которые встречаются в стихотворениях практически всех поэтов Востока. Не чужд этот символ и поэзии Навои:

*Весною ранней в сень родных ветвей
Из-за морей вернулся соловей:
И розу новую он увидал
И, захлебнувшись страстью, зарыдал...*

(здесь и далее отрывки из произведений взяты с сайта <http://www.wisdomcode>).

Такими строками начинается одно из стихотворений поэта, однако в отличие от своих предшественников Навои вносит дополнительный оттенок в эти традиционные образы. Интересный поэтический ход – встреча соловья и розы носит как будто случайный характер. Навои воссоздает картину зарождающейся любви, чувства вспыхивают мгновенно, быстрота происходящего передана глаголами «увидал», «зарыдал» и практически одновременно. Еще более усиливает этот эффект деепричастный оборот «захлебнувшись страстью».

Образ получает дальнейшее развитие, и сюжет движется по принципу градации:

*Всё ярче блещет розовый цветок,
Как разгорающийся огонек.
Огонь горит в сердечной глубине,
А соловей сгорает в том огне.*

Здесь поэт вводит еще один традиционный образ-символ, используемый для описания любви – всепоглощающий огонь – один из распространенных символов в поэзии Навои. В лирике поэта символ приобретает космические масштабы, переходя границы духовного мира, поглощается в земном мире и даже охватывает ирреальный мир:

*Живой огонь любви с пожаром схож;
Всю землю охватил его грабеж.
Огонь бушующий неукротим;
Всё небо – дым и искры перед ним.
И перы с неба падают без сил,
Как мотыльки, спаливши перья крыл.*

Такова, по мнению поэта, всеохватывающая сила любви. Для восточной поэзии характерно дуалистическое восприятие любви – как великого страдания и великого счастья одновременно. Влюбленный герой испытывает душевное смятение, разрываясь между этими противоречивыми ощущениями и стремлениями: испытывая муки любви, он готов продлевать и благословлять их:

*Любовь смятенья смерч несет уму,
И чужд влюбленный существу всему.*

Наивысшее воплощение это острое переживание любви нашло в образе Меджнуна – безумца, утратившего из-за любви не только разум и связь с реальным миром, но и собственную личность, растворившись в любви к Лейли:

*Она есть он, отныне он – она.
У них одно дыханье, жизнь одна.*

Поражает сцена молитвы Меджнуна в священной Каабе: это гимн любви, прославление и воспевание ее величайшей власти над человеком. И вновь мы видим двоякий образ этого чувства: с одной стороны, Навои с большой поэтической силой описывает муки, причиненные любовью:

*Несчастный пленник, проклятый судьбой,
В цепях любви стою перед тобой!
И тело в язвах от любовных ран,
И тело режет горестей аркан.
Суставы тела – грубые узлы,
Душа сожженная – темней золы;*

с другой стороны, влюбленный герой воспринимает свои мучения как наивысшую награду:

*Достоин места я в твоём раю?
Дай вместо рая мне Лейли мою.*

Таким образом, любовь воспринимается как великое благо.

Образ любви как сжигающего пламени не случаен. В этом символе заложен глубокий философский смысл. Причинная боль, огонь очищает, расплавляет руду, помогает добыть из нее металл, делает сильнее. Сгорая в огне, птица Феникс – еще один традиционный восточный образ – возрождается к новой жизни. И, проходя через горнило любовной страсти, человек очищается и укрепляется духовно. Только пережив это ощущение, можно постичь смысл жизни и красоты:

*Когда сгоришь, поймешь ты, может быть,
Что значит быть любимым и любить.*

.....
*Любовь – душа души, она чиста,
А без нее мертва и красота.*

Таким образом, поэт выстраивает своеобразную иерархию ценностей: красота, душа, любовь. И первое место поэт неоспоримо отдает любви: ведь только это чувство способно дарить одновременно и муки, и счастье, именно в любви заключается смысл жизни, одухотворяющий не только человека, но и само понятие красоты.

Исследователи творчества Алишера Навои неоднократно подчеркивали свежесть и оригинальность его поэтического языка. Особая образность и метафоричность отличают слог великого мастера и ставят его поэтическое наследие на особое место в ряду виднейших представителей восточной лирики.

Художественный, поэтический мир лирики Навои находит интересные переклички и параллели с творчеством не только известных поэтов Востока, но и с выдающимися образцами западноевропейской лирики эпохи Возрождения. Не случайно, анализируя сводный диван «Сокровищница мыслей», исследователи характеризуют его как лирическую «исповедь поэта, чутко фиксирующего богатую гамму своих переживаний, спиритуализированных, как это было у Данте и Петрарки, но на особый, характерный для передовой поэзии Среднего Востока суфийский манер».

Наследие Навои повлияло и на русскую ориентальную поэзию. Знатоки и любители Востока, изучая художественный мир восточной поэзии, не могут не исследовать творчество этого выдающегося поэта. В разные годы темами научных работ становились такие аспекты жизни и творчества Навои, как «Навои в Самарканде», «Персидские переводы «Маджалис ан-Нафаис» Навои», «Навои. Опыт творческой биографии», «Мир идей и образов Алишера Навои», «Творческий метод Навои». Однако несмотря на такую казалось бы разностороннюю изученность творчество великого поэта Востока, непревзойденного певца любви Алишера Навои по-прежнему ждет своих поклонников и исследователей.